

Антикапитализм как логическая сущность, социализм как историческое явление

Опубликовано: 04.05.2026 • Время чтения: ~18 мин.

 [Скачать PDF \(на русском\).](#)

 [Оригинал \(PDF • на английском\).](#)

 [Распечатать](#)

АННОТАЦИЯ

Эта статья рассматривает социализм как историческое явление и намечает основные вопросы, необходимые для его теоретического прояснения. В центре внимания находятся природа пролетарской власти, условия её возникновения, роль планирования, пределы исторических социалистических систем, а также различие между социализмом, антикапитализмом и капитализмом. В статье утверждается, что разрешение этих вопросов необходимо для более научного понимания социализма, особенно в свете исторического опыта Советского Союза и Китая.

Ключевые слова: социализм; антикапитализм; диктатура пролетариата; экономическое планирование; сравнительные экономические системы; Советский Союз; Китай; революционный переход

JEL Codes: B51; P21; P27; P51

Введение

Марксистские коммунисты часто говорят в практическом смысле о реализации заранее теоретически сформированного представления о том, что именно они строят и к чему это должно привести. Например, они часто воспринимают «Критику Готской программы» как модель того, каким должен быть социализм, и пытаются построить именно это.

Однако реальность оказывается иной. Вместо того чтобы построить то, что, казалось бы, предписывала теория, они производят нечто, что противоречит этому теоретическому идеалу, и это противоречие остаётся неразрешённым

до сих пор. Чтобы подойти к его решению, мы должны исследовать самих себя. Нам нужно как бы отойти в сторону и изучить действительный социализм таким, каким он существует, не впадая в утопизм.

Вопрос 1

Что именно представляет собой диктатура пролетариата?

Что представляет собой явление, когда пролетариат в своей совокупности берёт власть, то есть то, что мы называем революционной диктатурой пролетариата?

Ответ на этот вопрос нужно искать не через погружение в пропаганду, а через обращение к науке. Я не пытаюсь сказать, что пропаганда лжёт. Нет, я лишь говорю, что она не даёт научного ответа.

Здесь в целом необходимо понять, что нас интересует не только то, что такое диктатура пролетариата, но и то, что в конечном счёте представляет собой социализм. Это важно потому, что в коммунистическом дискурсе главным понятием всегда была именно диктатура пролетариата. Очевидно, если последовательно придерживаться марксизма в этом вопросе, социализм по своей природе является диктатурой пролетариата, а не чем-то иным. То есть если капиталисты теряют власть, то эту власть должен получить не какой-то новый аналог капиталистов, а другой класс — пролетариат.

Но здесь сразу возникает проблема. Недостаточно просто сказать, что пролетариат состоит из рабочих, которые собрались вместе и управляют государством. Непонятно, что именно под этим имеется в виду. Очевидно, что в реальности это не может буквально означать, будто миллионы рабочих просто сидят и напрямую всем управляют. Поэтому на этот вопрос нужно отвечать не в прямом и буквальном смысле, а иначе: необходимо понять, каким образом выражаются интересы, потребности и экзистенциальная логика пролетариата как совокупного класса.

Это важно потому, что если мы посмотрим даже на Запад и капиталистов, то в большинстве случаев капиталисты тоже не управляют всем напрямую. Они влияют, владеют, перемещают капитал из одной фирмы в другую, и через это

фирмы, институты и система в целом выражают их интересы. То есть дело не в том, что капиталист лично сидит везде и всем командует, а в том, что система устроена таким образом, что его интерес воспроизводится и исполняется через неё. По сути, то же самое необходимо понять и в отношении диктатуры пролетариата. Не в смысле прямого и буквального участия каждого, а в смысле того, каким образом выражаются интересы совокупного пролетариата.

Именно поэтому вопрос должен быть поставлен правильно и пересмотрен. Мы не должны грубо спрашивать, сидит ли пролетариат и управляет ли он напрямую; мы должны спрашивать, как именно выражается его интерес, через какие формы, через какие механизмы и по каким законам всё это вообще существует. То есть нам необходимо понять, что именно представляет собой диктатура пролетариата, каковы её законы, как она функционирует и из чего она состоит как реальное явление.

И отсюда возникает следующий вопрос: что в конечном счёте такое социализм? Если капитализм — это диктатура буржуазии, а социализм — диктатура пролетариата, то в этом смысле они действительно выступают как формы, соотнесённые друг с другом. Но даже если это так, мы всё равно должны отдельно спросить, что такое социализм как явление, каковы его собственные законы, как он функционирует, что именно он представляет собой и ради чего он существует. Здесь нас должна интересовать не только формула, но и сама логика его реального существования.

Вопрос 2

При каких условиях пролетариат может взять власть?

То есть теперь вопрос состоит не в том, что это такое, а в том, когда это вообще может произойти. Можно ли взять власть в любой момент или только по марксовым чертежам — «в момент конца капитализма»? Пока мы не поймём, когда и где это возможно, мы не сможем воспроизвести это без опоры на интуицию XX века.

Имеется в виду следующее. В истории мы уже видели моменты, когда пролетариат действительно брал власть. Поэтому нам необходимо изучить условия, при которых пролетариат не только может взять власть, но и начинает хотеть это сделать. Потому что когда марксисты работают теоретически, они постоянно занимаются пропагандой, пытаются убеждать, вести вперёд и так далее. Но мир нужно рассматривать как поле битвы различных идеологий. Это постоянное противостояние. И мы сами являемся лишь одной из сторон этой борьбы, одной из форм влияния на пролетариат.

Поэтому вопрос здесь таков: чего на самом деле хочет пролетариат? Когда именно он этого хочет? И можем ли мы что-то с этим сделать? Если, например, пролетариат на Западе не хочет революции, можем ли мы гипотетически заставить его захотеть её? И корректно ли вообще ставить вопрос таким образом? Или, возможно, никого нельзя заставить, и мы можем лишь следовать движению самого пролетариата, тому течению, в котором он реально движется. В таком случае нам нужно понять, где и при каких условиях возникает конкретное течение, в котором пролетариат захочет революции и, соответственно, захочет нас, марксистов.

Этот вопрос можно сформулировать даже в капиталистических терминах: где может возникнуть спрос на нас, как он проявляется и что заставляет пролетариат желать именно ту силу, которая станет его выражением, его лицом, его авангардом? Именно тогда сам пролетариат станет тем, что мы называем диктатурой пролетариата.

В реальности не бывает так, что ты просто являешься марксистом, обладаешь некоторой истиной или теорией, и поэтому пролетариат автоматически должен следовать за тобой. Более того, сама теория не должна застывать. Если теория застывает во времени, она больше не может быть тем, за чем должен следовать пролетариат. Теория может устареть. Поэтому необходимо следовать не за теорией как чем-то неподвижным, а за самим пролетариатом. Именно пролетариат движется вперёд, и теория должна быть способна адаптироваться к нему.

Отсюда возникает ещё один важный вопрос: как мы можем адаптироваться к современному течению пролетариата, найти его и понять, куда оно движется, где оно возникнет и где оно возьмёт власть?

Это напрямую зависит от условий. То есть нам необходимо понять, как именно эти условия формируются: через кризисы, войны, крахи, потрясения и тому подобное. Для этого, конечно, необходимо изучать опыт Советского Союза и Китая, чтобы увидеть, как именно всё там сформировалось, что именно произошло, как это произошло и почему это произошло именно так.

И затем возникает другой вопрос: происходило ли что-то подобное после них и произойдёт ли что-то подобное в будущем? Например, можно спросить, были ли революции другого рода — не полностью социалистические, как советская или китайская, а более частичные, более локальные национально-освободительные движения — также выражениями такого спроса. Не были ли они тоже формой спроса со стороны пролетариата, только не в такой массивной и чистой форме, а более точно, обусловленной конкретными историческими обстоятельствами?

Далее вопрос можно расширить ещё сильнее: может ли существовать не только спрос именно на социализм в его полной форме, но и более широкий спрос — антикапиталистический, освободительный, антиколониальный и так далее? То есть могут ли марксисты прийти к власти даже там, где существует спрос не на чистый социализм, а на более широкую антикапиталистическую форму? Это также необходимо исследовать.

В XX веке всё это очень часто происходило интуитивно. Теоретически говорили одно, а практически делали другое. Но именно из этого мы и должны учиться. Нам необходимо понять, в чём был смысл этой интуиции, превратить её в теорию и научиться распознавать такие моменты заранее, чтобы затем, когда возникнет новый исторический подъём, его можно было использовать. Нам нужно понять, где, когда и как это происходит.

Вопрос 3

Как всё это может быть организовано? Что это представляет собой? Какие ограничения у этого могут быть? И как с ними работать?

И далее: если всё это может быть организовано через план, то что представляет собой этот план?

Следующий вопрос состоит в том, как всё это вообще может быть организовано, что это представляет собой и какие ограничения у этого могут быть. Здесь речь идёт о форме организации пролетариата как власти и как общества. Если мы говорим о социализме, о диктатуре пролетариата, то тем самым мы говорим о формировании особого общества, которое должно не просто существовать политически, но также производить, воспроизводить себя, расширяться и развиваться. Это означает, что здесь неизбежно возникает вопрос о способе производства — о том, как именно всё это устроено в реальности.

Именно поэтому этот вопрос напрямую касается плана. Все более или менее понимают, что в конечном счёте речь идёт о плане, но этого недостаточно. Недостаточно просто сказать, что социализм организован через план. Нужно понять, как именно этот план выражается в реальности, как он формируется, из каких частей состоит и как он устроен в целом. Здесь нас должны интересовать такие вещи, как командные высоты, макроуправление, микроуправление, общее планирование и вся структурная организация в целом. Именно об этом и идёт речь: не о плане как абстрактной формуле, а о том, как он существует исторически и практически.

Но этот вопрос сразу касается и ограничений. Например, Советский Союз распался. Значит, существовало некоторое ограничение, и его необходимо изучить. Нужно понять, какими были ограничения исторических форм социализма. В то же время было бы неверно формулировать вопрос так, будто сама диктатура пролетариата как власть была ограничена. Не это главное; важно то, на чём эта власть держится. А держится она, конечно, на

производстве. Если производство перестаёт воспроизводить систему, если план перестаёт справляться, то вместе с этим начинает утрачиваться и сама власть.

Поэтому вопрос должен быть поставлен иначе. Если Советский Союз распался, важно понять не просто то, как его власть была устроена в формально-политическом смысле, а то, что представлял собой его план, его конкретное историческое выражение, как именно всё это было организовано, какие ограничения у этого были и каким именно образом эти ограничения привели к распаду. Именно это здесь имеется в виду под ограничениями.

На Китай мы должны смотреть точно так же, хотя он, например, ещё не распался. Ограничения существуют и там; они просто проявляются иначе. И речь идёт не только о пределе всей системы в целом, но и о конкретных формах ограничений. Например, в случае Советского Союза нам нужно понять, что такое «дефицит» и как он был связан со структурой советской экономики. Это тоже ограничение, и его необходимо исследовать как конкретное свойство данной формы организации. Точно так же в случае Китая нужно понять, какие ограничения порождаются его собственной формой, например рынком и связанным с ним неравенством. Почему это возникает, как это связано со структурой китайской экономики и что именно это означает для самой системы?

Смысл этого вопроса состоит в том, чтобы понять, как социализм организован в реальности как форма производства и управления, из чего он состоит, как работает и какие пределы и ограничения обнаруживаются в его конкретных исторических выражениях.

Вопрос 4

Какова наша реальная цель, то есть целеполагание?

Когда при определённых условиях пролетариат берёт власть и строит условный план, что именно он максимизирует?

Следующий вопрос, который мы рассматриваем, чрезвычайно важен, потому что он связан с первыми тремя вопросами и в некотором смысле является их следствием. Если мы понимаем, что такое диктатура пролетариата и социализм, если мы понимаем, при каких условиях пролетариат хочет и может прийти к власти, и если мы понимаем, как всё это формируется через план и организацию, тогда мы можем задать следующий вопрос: что всё это в конечном счёте делает? Ради чего оно существует? Что именно оно преследует? Иными словами, какова его действительная цель, его целеполагание?

Важно сразу сказать, что эту цель не следует понимать как нечто чрезмерно сложное. Это не целая система ответов и не бесконечно сложная схема. Напротив, это должен быть короткий ответ, одно выражение или одно предложение, которое отвечает на вопрос: что именно социализм в конечном счёте делает? Ради чего он существует? Что именно он в целом преследует?

На этот вопрос можно отвечать по-разному. Например, можно сказать, что социализм существует для повышения уровня жизни пролетариата и что именно в этом заключается его цель. Но такой ответ недостаточен. Мы не можем сказать, что цель социализма и диктатуры пролетариата состоит просто в плановом повышении уровня жизни пролетариев. Если бы это было так, мы могли бы просто максимизировать текущее благосостояние прямо сейчас, увеличить производство хлеба, увеличить текущее потребление и на этом остановиться. Но тогда система не развивала бы саму себя, не улучшала бы свои собственные основания, не могла бы конкурировать с капитализмом и не могла бы выдерживать внешнее давление, например со стороны Запада, как это происходило в случае Советского Союза и Китая.

Иными словами, мы больше не можем говорить, что социализм существует в вакууме и существует исключительно ради чистого роста благосостояния. Я не отрицаю, что рост благосостояния является одной из его задач. Но вся цель не может быть сведена только к благосостоянию. Потому что центральная цель должна быть чем-то таким, что позволяет системе воспроизводить саму себя, а не чем-то таким, что позволяет ей как можно быстрее себя исчерпать.

Другой возможный ответ мог бы заключаться, например, в том, что социализм существует ради коммунизма. Но и здесь вопрос не так прост. Пока коммунизм в основном понимается как лозунги. Я не говорю, что движение к нему отсутствует. Но коммунизм нельзя просто взять и назвать прямой целью социализма в том смысле, что именно это социализм максимизирует ради собственного воспроизводства.

Именно поэтому возникает необходимость действительно разобраться, какова цель социализма. Что именно он делает в реальности? Что именно он стремится максимизировать? Ради чего он воспроизводит себя как система? И важно поставить этот вопрос ещё и потому, что затем его можно будет сравнить с капитализмом: какова цель капитализма и какова цель социализма? Возможно, именно здесь будет обнаружена одна из главных форм их различия.

Вопрос 5

Как именно выглядит взятие власти?

Что именно должно быть захвачено, чтобы мы могли сказать, что власть окончательно взята?

Теперь вопрос становится более практическим. Хотя все предыдущие вопросы тоже были практическими, здесь практичность выходит вперёд в буквальном смысле. Нам нужно посмотреть на историю, на Советский Союз и Китай, и понять, что именно необходимо сделать в реальности. Что именно должен совершить пролетариат, ведомый своим авангардом? Что именно он должен захватить, чтобы мы могли с уверенностью сказать: «Вот, пролетарская власть действительно установлена»?

И здесь сразу возникает ещё один важный вопрос: возможно ли вообще захватить власть полностью? Например, если маленькая страна берёт власть и внутри неё действительно устанавливается диктатура пролетариата, будет ли эта власть полностью суверенной или такая страна всё равно останется зависимой от других стран и внешних сил? То есть внутри можно сделать очень многое, но внешне зависимость всё ещё может сохраняться. Поэтому

вопрос состоит в том, как понять, что именно должно быть захвачено на определённой территории — какие конкретные рычаги, институты, экономические основания, производство, командные высоты и так далее, — чтобы можно было сказать, что власть действительно захвачена.

Нам нужно понять, что именно мы захватываем, как мы это делаем и как всё это организовано как взятие власти. Нужно понять, при каких условиях можно действительно сказать, что власть не просто формально взята, а подлинно захвачена и является суверенной. И, наоборот, нужно понять, когда власть вроде бы захвачена, но не является полностью суверенной, когда она остаётся ограниченной или зависимой.

Это особенно важно потому, что одно дело — смотреть на Советский Союз или Китай, где у нас есть примеры действительно крупных и суверенных форм. Но если мы посмотрим на другие социализмы, существовавшие в истории, очень часто они были несамостоятельными: они зависели либо от Запада, либо от других социалистических стран, например от Советского Союза. Поэтому здесь необходимо чётко различать момент, когда власть действительно захвачена пролетариатом, и момент, когда она ещё не является суверенной в полном смысле.

Именно поэтому этот вопрос так важен. Нам нужно понять, как это в конечном счёте выглядит. Конечно, он связан с предыдущими вопросами, и отвечая на него, мы неизбежно отвечаем и на некоторые из них, потому что они все взаимосвязаны. Но этот вопрос всё же является более практическим в прямом смысле. Потому что если мы вообще думаем о взятии власти, нам нужно понять, как именно это делается, что именно должно оказаться в наших руках, какие конкретные рычаги управления должны быть подчинены власти и возможно ли взять их полностью, чтобы действительно сказать: «Вот у нас есть абсолютная, захваченная, суверенная власть».

Вопрос 6

В чём различие между планом, антикапитализмом как общей тенденцией и социализмом, и как они соотносятся друг с другом?

Я специально вынес в название статьи «антикапитализм» и «социализм», чтобы поставить ещё один важный вопрос. В истории мы часто смотрели не только на социализм как таковой, но и на антикапитализм как более широкое движение. Марксисты по большей части всегда связывали себя именно с социализмом. Но на самом деле многие антиколониальные движения прошлого также можно рассматривать как антикапиталистические и, в определённом смысле, как связанные с будущим пролетариата, даже если внешне они не выглядели чисто социалистическими и даже если в основном сохраняли капиталистические формы. Именно поэтому этот вопрос имеет принципиальное значение: нам нужно смотреть на историю шире, а не только через две страны или только через страны с экономикой советского типа.

Тогда вопрос формулируется следующим образом. С одной стороны, у нас есть социализм как социалистическое марксистское коммунистическое движение. Антикапиталистическое движение шире и направлено в ту же сторону, но не всегда в той же форме. В истории социализм очень часто выступал именно как центр совокупного антикапиталистического движения. Коммунистическая страна часто становилась центром более широкого антикапиталистического движения, которое по большей части формировалось именно на периферии. Именно поэтому так важно не запутаться и понять, как всё это соотносится.

Отсюда возникает вопрос: являются ли, например, Советский Союз и Китай именно социалистическими, тогда как другие, меньшие страны являются по большей части частью более широкого антикапиталистического движения, связанного с социалистическим центром и выступающего в том или ином смысле его продолжением? Возможно, не буквально, а в более общем историческом смысле. Однако такие страны могут быть не социализмом в строгом смысле, а антикапитализмом в более широком значении.

Впрочем, в конечном счёте может оказаться, что между антикапитализмом и социализмом нет жёсткого различия и что они, возможно, являются одним и тем же движением, просто принимающим разные формы. Возможно, существуют центры и не-центры, а различия в форме проявления зависят именно от контекста. Но именно это и нужно исследовать. Нам нужно понять,

что такое периферия, что такое антикапитализм, что такое социализм, в чём они сходны, в чём различны и существует ли между ними реальное различие. Или, возможно, они по сути совпадают и различаются только конкретными условиями и формами проявления.

С этими вопросами связан и вопрос власти в антикапиталистических странах. Например, если диктатор берёт власть в некоторой стране, как это часто представляет западная пропаганда, но этот режим не является коммунистическим — хотя, скажем, национализует нефть или проводит другие меры такого рода, — можно ли считать такую страну социалистической? Или она антикапиталистическая, но не социалистическая? Можно ли сказать, что она существует внутри общего антикапиталистического поля? Всё это также требует отдельного исследования.

И здесь, конечно, в конечном счёте будет полезно окончательно различить план и социализм. Мы уже подходили к этому на протяжении всей статьи, но в конце, возможно, необходимо специально сравнить план и социализм. Потому что именно здесь, возможно, скрыты некоторые решения тех загадок, которые люди обычно не могут понять.

Вопрос 7

Что в конечном счёте представляет собой социализм по сравнению с несоциализмом, и чем именно он отличается?

И наконец, это более широкий, заключительный вопрос. В конечном счёте нам нужно сравнить социализм в целом с несоциализмом и понять, чем именно он отличается. Это связано и с предыдущим сравнением, где мы противопоставляли социализм и антикапитализм, но теперь сравнение должно быть проведено непосредственно с самим капитализмом.

Нам нужно понять, чем в конечном счёте социализм, диктатура пролетариата и всё, что с этим связано, отличаются от капитализма. Думаю, это будет самый короткий вопрос, потому что здесь мы уже проводим финальное сравнение. Если к этому моменту мы поняли, что такое социализм, как происходит взятие

власти, как всё это организовано и каковы его цель и формы, тогда мы можем наконец провести общее сравнение и тем самым окончательно определить, что такое реальный исторический социализм.

Нам нужно понять, когда был построен Советский Союз, когда был построен Китай и что именно в конечном счёте было построено по отношению к другим системам. Было ли это чем-то действительно иным? Теоретически мы должны прийти к выводу, что это было нечто другое, но это всё ещё необходимо доказать через сравнение. Нужно сопоставить социализм с Западом, с капитализмом, с его целями, принципами и общей структурой, чтобы показать, что социализм действительно отличается от капитализма и представляет собой другую систему.

В заключение можно сделать следующий вывод. Если бы мы действительно изучили все эти вопросы и ответили на них, то смогли бы продвинуть теорию, лучше понять мир, лучше использовать саму теорию и в конечном счёте построить нечто большее. То есть прийти к чему-то большему не только в смысле понимания, но и в смысле реализации. Именно поэтому все эти вопросы должны быть поставлены, исследованы и разрешены.

Для ясности я выношу эти вопросы на отдельную заключительную страницу, чтобы они были отделены от предшествующего рассуждения и могли читаться как сжатая исследовательская повестка.

Заключительные исследовательские вопросы

Сжатая повестка для теоретического прояснения социализма.

Предшествующее рассуждение приводит к финальному набору вопросов, которые сводят весь аргумент статьи в единую исследовательскую повестку. Вынесенные отдельно на последнюю страницу, они обозначают сознательный переход от изложения к дальнейшей теоретической работе.

- 1. Что на самом деле представляет собой диктатура пролетариата, и что в конечном счёте представляет собой исторический или действительный социализм?**

2. При каких условиях пролетариат может взять власть? Как эти условия формируются? И возможно ли — и если да, то как — предсказывать и использовать их?
3. Что именно означает взятие власти?
4. Какова реальная цель социализма или диктатуры пролетариата?
5. Как всё это может быть организовано, и что это представляет собой?
6. Какие ограничения у этого могут быть, и как с ними следует работать?
7. Если всё это может быть организовано через план, что именно представляет собой план?
8. В чём различие между планом, антикапитализмом как общей тенденцией и социализмом, и как они соотносятся друг с другом?
9. Что в конечном счёте представляет собой социализм по сравнению с несоциализмом, и чем именно он отличается?

Эти вопросы подводят итог финальному горизонту статьи и намеренно остаются изолированными как заключительная точка ориентации документа.

КАК ЦИТИРОВАТЬ ЭТОТ МАТЕРИАЛ

Вилен Истени (2026). "Антикапитализм как логическая сущность, социализм как историческое явление." Полярный марксизм.
<https://polarmarxism.com/ru/research/anticapitalism-socialism-agenda>

ЧИТАТЬ ОНЛАЙН

